

Научная статья
УДК 821.512.153.0-93
DOI 10.18101/2686-7095-2024-2-65-72

АВТОРСКАЯ ПОЗИЦИЯ В ДЕТСКИХ РАССКАЗАХ И. П. ТОПОЕВА

© Сагатаева Елена Петровна

аспирант,
Бурятский государственный университет имени Доржи Банзарова
Россия, 670000, г. Улан-Удэ, ул. Ранжурова 6
sagataeva1997@gmail.com

Аннотация. Статья посвящена выявлению авторской позиции в рассказах для детей хакасского детского писателя И. П. Топоева. Выявляются особенности структуры детских рассказов. Определяется авторская установка на диалог с адресатом — юным читателем — через сближение в определенных ситуациях позиций автора и героя. Авторская позиция прослеживается в использовании субъективированного повествования, во включении в повествовательную ткань произведения ритмико-интонационного строя речи героя-ребенка, присущей ему лексики. Устанавливается важная роль диалога героев в структуре рассказов для детей. Выявляется художественное мастерство писателя, имеющего опыт создания драматических произведений, в построении диалогов. Авторская позиция И. Топоева формируется на основе глубокого понимания закономерностей детской психологии, она прослеживается в сочетании детского взгляда на мир с позицией взрослого и мудрого наставника. Здесь возникает особое юмористическое отношение автора к миру детства. Установка на назидание и воспитание реализуется в композиционной структуре рассказов для детей, в создании ситуации нравственного выбора.

Ключевые слова: авторская позиция, детская литература, диалогическое начало, субъективированное повествование, психологизм, назидательная установка.

Для цитирования

Сагатаева Е. П. Авторская позиция в детских рассказах И. П. Топоева // Вестник Бурятского государственного университета. Филология. 2024. Вып. 2. С. 65–72.

Творчество Ильи Прокопьевича Топоева занимает важное место в современной детской литературе Хакасии. Он является популярным автором прозаических и драматических произведений для детей: книга рассказов, сказок и пьес для детей «Көйтүк Миргенек» («Хитрый Миргешка», 1991), «Сын нанчылар» («Верные друзья», 2005), «Паночах» (2013) и др. Пьесы для детей И. Топоева входят в репертуар театров Хакасии. По инициативе автора были созданы детский литературно-художественный журнал для учащихся «Тигір хуры» («Радуга»), а также журнал для детей дошкольного и младшего школьного возраста «Күнічек» («Солнышко»). Если в первом журнале представлены рассказы, стихи, песни юных авторов и знаменитых писателей, то во втором дети знакомятся с хакасским алфавитом и изучают хакасский язык с применением различных современных технологий.

В современном хакасском литературоведении важной задачей является научное исследование детской литературы. Развитию детской прозы в Хакасии посвя-

щены статьи хакасских литературоведов А. Г. Кызласовой (1985), В. А. Карамашевой (1996), в них рассмотрены отдельные рассказы для детей. По мнению Л. В. Челтыгмашевой, «исследование жанрового и национального своеобразия хакасской детской литературы важно для определения ее художественной специфики, места в литературе Хакасии и роли в решении задач нравственно-этического, патриотического, эстетического воспитания подрастающего поколения» [10, с. 632]. Творчество И. П. Топоева привлекает внимание хакасских исследователей с различных точек зрения. Например, литературовед Н. С. Майнагашева рассматривает тенденции и перспективы развития современной хакасской драматургии, включая произведения И. Топоева [3], Л. В. Челтыгмашева посвящает статьи проблематике, жанровой специфике и поэтике рассказов писателя [10]. Произведения И. Топоева для детей требуют целостного научного осмысления, системного теоретико-методологического анализа; интересны вопросы этнопоэтики, отражение динамических процессов современности. На наш взгляд, изучение авторского взгляда на мир, его вклада в развитие традиций и родного языка позволяет углубить представление о развитии хакасской детской литературы.

В рамках статьи материалом для изучения послужили прозаические произведения И. Топоева для детей. Методологической основой исследования стали подходы исторической поэтики, так как именно национальные художественные традиции становятся отправной точкой для выявления особенностей авторского мировоззрения и стиля. Принцип исследования авторского творчества в контексте традиций национальной литературы остается актуальным подходом в изучении литератур народов России [8]. Важным моментом представляется опора на методологию рецептивной эстетики, которая предполагает учет особенностей воспринимающего сознания читателя. Авторская позиция проясняется и уточняется в диалогическом поле взаимодействия автора и читателя через показ сознания героев.

Детские рассказы И. Топоева отражают специфику авторского стиля, повествование организовано так, что органично сочетает в себе элементы языкового сознания детей и дидактическую позицию взрослого, умудренного жизненным опытом человека. Чаще всего это повествование от третьего лица, с включением диалогов. Литературоведами отмечается, что в рассказах для детей очень важен факт преобладания диалогической речи над монологической, так как в детском возрасте диалог занимает особое место в жизни детей¹. Частотная в детских рассказах система персонажей с одним или несколькими героями, с которым желательно долго не расставаться [5], также побуждает к диалогу. Диалоги важны и потому, что ребенок познает окружающий его мир через общение со сверстниками и родителями. Поэтому простые реплики героев в диалогах ориентируют читателя на некоторые характерные особенности детской речи, что позволяет приблизить персонаж к читателю-ребенку.

Частотно также и применение субъективированного повествования, когда в позиции от третьего лица выражена точка зрения героя. Как известно, «специфика

¹ По Л. В. Щербе, диалогическая форма речи достаточно долгое время влияет на письменную речь младших школьников [11].

повествователя одновременно — во всеобъемлющем кругозоре, его границы совпадают с границами изображенного мира и в адресованности его речи в первую очередь читателю, т. е. направленности как раз за пределы изображенного мира» [4, с. 168].

В повествовательном смысле важно, что писатель является носителем доброго, светлого, юмористического отношения к окружающей действительности, которое временами сочетается с сатирическим или ироническим модусом. Сочетание дидактической установки и занимательности становится основой детских рассказов И. Топоева.

Большая часть рассказов И. Топоева адресована детям дошкольного и младшего школьного возраста, и в художественной структуре произведений прослеживается учет возрастных особенностей детей. Так, с учетом возраста читателя выстроены сюжеты, которые воспроизводят события, важные для детей: ситуации общения с друзьями, родителями и другими взрослыми, моменты школьной жизни, интересные и забавные ситуации. Моменты, казалось бы, обыденной жизни с точки зрения ребенка полны приключений и открытий, чувства познания мира, проживания эмоций, взросления. Осознание важности внутреннего плана, чувств и переживаний ребенка прослеживается во всем творчестве писателя. В широком смысле слова диалогическое поле автора и читателя основано на сближении позиций автора и героя-ребенка, живущего своими чувствами. Диалог достигается учетом со стороны автора особенностей детского восприятия, точки зрения героя-ребенка.

Для детской прозы И. Топоева характерны динамичность повествования, четко выстроенная композиция, выразительный и емкий язык. Важнейшая художественная задача автора — показать, что открытие мира детьми ведет к актуализации тем любви к родине, природе, понимания живого мира, социальных основ человеческой жизни, детской дружбы, уважительного отношения к старшему поколению, семейным ценностям и труду, почитания традиций своего народа и т. д.

С точки зрения психологии важен процесс формирования личности ребенка через коммуникацию и взаимодействие с внешним миром с учетом этапов познания законов природы и общества. На этом пути героям-детям помогают родственники (чаще старшие братья и дяди), родители, друзья, которые становятся проводниками в мир. Они выполняют функцию помощников, помогая ребенку выбрать верные ориентиры для поведения, но иногда их роль может быть переосмыслена.

Так, в первом рассказе одноименного сборника «Хитрый Миргешка» обычный озорной мальчик-дошкольник Мирген проучил старшего брата, который не накормил его завтраком. Рассказ проникнут тонким юмором, начиная с описания образа Миргена, его утреннего подъема до показа его действий и поступков. Когда взрослые уходят из дома, мальчик пытается самостоятельно одеться, ведь до этого его одевала мама: «Кӱгенегін тискер паза ӱдігістерін ікі пасха саринзар кизіп, Миргенек “іцең” тіп хысхырыбысхан» («Одев рубашку наизнанку и обувь неправильно, Миргенек крикнул: «Мама!») [7, с. 4] (*Здесь и далее подстрочный перевод наш — Е. С.*).

Автор детально воспроизводит особенности детской речи в ее живой непосредственности, когда даже ошибки выглядят естественными: вот как герой считает яйца в кухонном шкафу: «Пір, ікі, пис, чох, сигіс, он... чибіргі» («один, два, пять, нет, восемь, десять... двадцать») [7, с. 4]. Жестовое поведение ребенка позволяет

догадываться о бессознательных желаниях и притязаниях героя в момент отсутствия взрослых в доме: “Амды Миргенек, холларын чүктене, улугзырхостап, турада аар-пеер пас чөрген” («Теперь Миргешка, сложив руки, важно по-взрослому, ходил по дому туда-сюда») [7, с. 4]. Но, как и любой маленький ребенок не удержался, увидев машинку, начал играть: «Ф-жу-жу, пи-пип!». Звукоподражания, столь характерные для детской речи, элементы игры создают живой образ ребенка. Автор воссоздает манеру речи, интонации маленького героя, когда он, проголодавшись, обращается к брату, надеясь, что тот накормит его, так как взрослые ушли на покос: «Ача, а, ача-а! Тура-а!» («Брат, а, бра-ат! Вставай-а!») [7, с. 5]. Ритмический рисунок речи так же, как и жестовое поведение, достоверно воспроизводит и выражает искренние чувства: «Ача-аң, астапча-ам» («Бра-ат, голоде-ен»).

В рассказе важную роль играет диалог, в котором происходит столкновение разных позиций героев. Старший брат Хароолах, как и другие братья, хочет поспать и потому взваливает все поручения по дому, данные ему родителями, на маленького Миргена. При этом старший наивно полагает, что послушный младший брат сделает все и потом разбудит его. Автору важно дать психологическую мотивировку поступков всех героев, читателю становится понятно желание старшего брата поспать в летний жаркий день в отсутствие взрослых. Поступок же Миргена, не оставившего брату завтрак, автор дает возможность оценить читателю самостоятельно. Для этого из диалога двух братьев читатель может вычленивать, как минимум, две причины. Во-первых, Хароолах сам говорит: «Кто не работает, тот не ест». «А, мының алнында пайлар ла тоғынмин тыхчаңнар¹, ам син пір дее ниме итпечен пайох поларзың» («А, в давние времена только баи, не работая, жрали, теперь, если ты ничего не будешь делать, тоже будешь баем») [7, с. 5–6]. Во-вторых, рассказав, как сварить яйца, Хароолах обмолвился, что не голоден: «Мин астабинчам сағам. Көмес узу палим. Прай ниме идибіссен, усхуарарзың. Че, ам пар» («Я сейчас не голоден. Немного посплю. Как все сделаешь, разбудишь. А сейчас иди») [7, с. 6]. Вот поэтому на вопрос Хароолаха, почему Мирген не оставил ему завтрак, он ответил: «Син азыранмассым теезің зе. Аннаңар тооза чирге харасхам. Чадап ла чидім. Күчүгеске пиргемөк...» («Ты сказал, что есть не будешь. Поэтому я постарался все доест. Еле доел. Щенку тоже дал») [7, с. 8].

В рассказе в повествовании от третьего лица воспроизводится точка зрения героя. Когда Хароолах снова засыпает, сквозь сон он слышит, как иногда гремит посуда, иногда крышка от кастрюли с грохотом падает на пол. Здесь ситуация описана не самим героем, но происходящее понятно благодаря описанию восприятия героя.

Лексический пласт рассказов И. Топоева включает в себя слова, свойственные героям, и слова, характеризующие авторское отношение к ним. В рассказе «Хитрый Миргешка» следует отметить употребление уменьшительно-ласкательных слов при описании внешности маленького мальчика («салааахтар» — ручки, «тоғылах наағастары» — круглые щечки, «харнычағы» — животик и т. д.); применение экспрессивных (разговорных) слов для более яркого описания действий («сүт оортап сыххан» — молоко начал пить большими глотками (хлепать), «хар-

¹ Тыхчаңнар — поглощали с жадностью (о животных).

нычагы илееде падай парған» — животик сильно выставился (выпучился), «характерын тошпайтхан» — выпучил глаза, «туңмачагы ырсайып турча» — братик стоит, оскалившись и др.). Последние добавляют произведению юмористический оттенок и усиливают эмоциональное воздействие, также упрощают восприятие мира героев для читателя, которому ближе разговорная лексика. Изображенная речь героев оказывает влияние на изображающую речь.

В рассказе «Тоңарах» («Складной нож») мир отношений и общечеловеческих ценностей познает герой — мальчик по имени Акай, позавидовавший старшему брату, получившему подарок. Автор дает возможность читателю вместе с героями пережить их чувства: обиду, зависть, жадность, стыд, осознание. Детские эмоции здесь не оцениваются через прямые высказывания, читатель сам должен оценивать поступки и действия героев, то есть повествователь лишь «проживает» событие вместе с главным героем. Внимание к, быть может, обычным, но вместе с тем не лучшим человеческим качествам показывает зрелые формы психологизма у И. Топоева. По мнению исследователя, «психологизм в литературном произведении представляет собой особую систему элементов художественной формы: деталей предметной изобразительности, изобразительных и выразительных особенностей художественной речи, композиции» [1, с. 20]. И. Топоев не только раскрывает мировосприятие ребенка, но связывает такую задачу со всеми элементами поэтики рассказа.

Повествование в рассказе часто идет от третьего лица, которое так же, как и форма от первого лица, позволяет передать чувства и эмоции ребенка. В отборе явлений, временном темпе угадывается восприятие ребенка: «Иди, пас чөрчедип, ол орғанда чатхан тоңарахты көр салған. Чўрее өрчиліг талбыри тўскен. Ол тоңарахты, сала маңзыри хаап, көрглеп сыххан» («Так, проходя мимо, он увидел лежащий на кровати ножик. Сердце радостно затрепетало. Поскорее схватив ножик, он начал его рассматривать») [6, с. 42]. Совершить действие, не обдумав его, поддавшись чувству, свойственно ребенку, только постигающему мир. Таким образом, «тоңарах» становится сквозным образом, причиной обид и зависти, и в то же время ситуация с ним становится уроком для обоих братьев. В заключение произошедшим событиям не дается оценочная характеристика автора, только отец дает наставления сыновьям: не брать чужого без разрешения и делиться с другими даже ценными вещами. Остается неизвестным, усвоен ли детьми нравственный урок, читатель сам должен сделать вывод из анализа фактов. Дети на следующий день играют вместе, каждому из них отец купил по складному ножу. Автору важно создать ситуацию нравственного выбора, как для своих героев, так и для читателя, для чего необходим процесс осознания, проговаривания, которое чаще делается старшими.

Герои многих рассказов И. Топоева — самостоятельные мальчишки, которые с утра остаются дома одни, так как родители работают. В рассказе «Сыйых» («Подарок») три брата остались одни дома, потому что родители уехали в город. В центре рассказа обыденная, на первый взгляд, ситуация, но в то же время это самостоятельный шаг детей к открытию: внимание и помощь являются лучшим подарком для близкого человека. Герои к концу рассказа поняли, что «дорог не подарок, дорого внимание», и что дело не в цене подарка, ценны проявленные чув-

ства. Через диалог героев автор показывает детскую наивность героев. Так, средний брат Тимке по-детски хочет порадовать маму платьем, не задумываясь о финансовых возможностях; младший брат Муклайах хочет съесть вместе с мамой купленные для нее же конфеты. Панюга же понимает, что конфеты — хороший подарок для детей, но не для взрослых, именно он показан автором осознанным и самостоятельным десятилетним мальчиком. Его действия раскрывают в нем заботливого и ответственного старшего брата: он кормит младших братьев, напоминает о необходимости убрать со стола и помыть посуду за собой. Он убедителен и тверд: «Пабам-ічем килгенче, прай ниме идібизеелер. Ічемні піс тоғындыртпасха кирекпіс. Пүүн аның төреен күні» («Пока родители не приехали, мы должны всё здесь убрать. Сегодня у матери день рождения. Она должна отдыхать») [7, с. 17].

Терминология родства у хакасов четко различается по старшинству и полу, по кровному родству. Братья отца и братья деда называются общим именем «ача» (в сагайском и шорском диалектах). Это проявление уважения к старшему поколению и к семейным традициям. Во всех рассказах И. Топоева главные герои называют старших братьев именно «ача», что раскрывает традиционное для хакасов уважение к старшим. Через традиционные формы именования выстраивается система отношений и представлений народа о семейных ценностях. Неслучайно исследователь замечает, что в произведениях хакасской детской прозы конца XX — начала XXI в. творчески используются фольклорно-этнографические формы, в том числе «народно-поэтические образные, языковые, стилистические элементы» [9, с. 634].

В рассказе И. Топоева «Карим ача» между героями есть большая разница в возрасте и отношения между братьями иерархичны, выстроены по принципу уважения к старшим. Образ старшего брата, только отслужившего, высокого и спортивного, еще и в солдатской форме, является примером для младших. Герой этого рассказа восхищается своим братом, ему не терпится быстро вырасти и тоже служить в армии: «Минің дее солдат поларым килче, — чоохтанча өрчліг Сойан. Позы ачазына чарбанча, аның пөрігін кизерге харбанча» («Мне тоже хочется быть солдатом, — радостно говорит Сойан. Сам цепляется к брату, пытается надеть его солдатскую шапку») [6, с. 47]. Образ спортивного брата воспитывает в мальчике, познающем мир через пример старших, любовь к спорту и здоровому образу жизни.

Сюжет рассказа также построен на диалоге героев. В нем раскрываются отношения братьев, любопытство главного героя и его восхищение старшим братом. В речи повествователя дано описание внешности героя, их отношений: Сойан, проявляя уважение к брату, слушается его, делает все для него. Также здесь применяется прием субъективации повествования: «Иртен Сойан истіг ле узупчатхан. Кемде аның чорғанын хыйа тартыбысхан. Оолагас харахтарын чадап ла асхан. <...> Карим ачазы спортивной кип-азах кизібістір. Орған хыринда турча.» («Утром Сойан спокойно спал. Кто-то стянул с него одеяло. Мальчик еле открыл глаза. <...> Карим ача надел спортивный костюм. Стоит возле кровати») [6, с. 48]. Специфический аффикс хакасского языка «-тір» в глаголе «кизібістір» (оказывается, надел) показывает действие в значении не просто «надел спортивный костюм», а отмечает оттенок отношения к данному действию именно со стороны героя. Происходит слияние точек зрения повествователя и главного героя рассказа.

Таким образом, в художественной структуре рассказов И. Топоева прослеживается применение комплекса художественных средств для создания образа героя-ребенка, вызывающего непосредственный эмоциональный отклик у адресата — юного читателя. Включение читателя в художественный мир произведения происходит за счет сближения позиций повествователя и героя в персональной повествовательной ситуации, когда точка зрения героя органично включена в пласт повествования. Воссоздание диалогов позволяет повествованию динамично двигаться и развиваться, раскрывая не только саму ситуацию, не только внешний план событий, но и их влияние на внутреннее состояние героя, а затем и читателя. Именно через диалоги раскрываются взаимоотношения героев, именно во взаимодействии происходит освоение нового знания, происходит новый шаг в постижении мира. И. Топоев убедительно воссоздает детскую психологию, раскрывает душевный мир ребенка, его переживаний благодаря использованию соответствующей лексики. Выразительность и емкость языка детских рассказов И. Топоева создает особое по силе воздействия художественное впечатление. Гуманистическая позиция автора выражается в его доброй усмешке, юмористическом взгляде на мир детства, в мудром отношении к ошибкам и проступкам юных героев. Она включает в себя дидактическое начало, но это не прямое назидание и морализаторство, это показ ситуации нравственного выбора. Процесс становления личности ребенка происходит с опорой на традиции народной педагогики, и эта мысль занимает важное место в системе идейно-художественных ценностей автора.

Литература

1. Есин А. Б. Художественный психологизм как теоретическая проблема // Вестник Московского университета. Сер. 9. Филология. 1982. № 1. С. 17–24. Текст: непосредственный.
2. Карамашева В. А. Становление хакасской прозы: жанр, проблематика, характер. Абакан: Изд-во Хакас. гос. ун-та им. Н. Ф. Катанова, 1996. 134 с. Текст: непосредственный.
3. Майнагашева Н. С. Современная хакасская драматургия: тенденции и перспективы развития // Тувинская письменность и вопросы исследования письменностей и письменных памятников России и Центрально-Азиатского региона: материалы международной научной конференции, посвященной 80-летию тувинской письменности (Кызыл, 1–4 июля 2010 г.) / ответственный редактор К. А. Бичелдей. Кызыл, 2010. Ч. 2. С. 51–54. Текст: непосредственный.
4. Поэтика: словарь актуальных терминов и понятий / главный научный редактор Н. Д. Тамарченко. Москва: Изд-во Кулагиной; Intrada, 2008. 358 с. Текст: непосредственный.
5. Славова М. Т. О природе героя в беллетристике для детей // Проблемы детской литературы. Петрозаводск, 1992. С. 8–16. Текст: непосредственный.
6. Топоев И. П. Верные друзья. Пьесы и рассказы для детей среднего и старшего школьного возраста. На хакасском языке. Абакан: Хакас. кн. изд-во, 2005. 68 с. Текст: непосредственный.
7. Топоев И. П. Көйтүк Миргенек. рассказы, сказки для детей младшего школьного возраста. Абакан: Хакасское отд-е Красноярского кн. изд-ва, 1991. 40 с. Текст: непосредственный.
8. Хандарова О. В. Мотив взросления в повести «Убить время» Г. Башкуева // Вестник Бурятского государственного университета. Филология. 2021. Вып. 2. С. 38–44. Текст: непосредственный.

9. Челтыгмашева Л. В. Этнопоэтика в произведениях хакасской детской прозы конца XX — начала XXI вв. // Мир науки, культуры, образования. 2018. № 2(69). С. 631–634. Текст: непосредственный.

10. Челтыгмашева Л. В. Проблематика, жанровая специфика и поэтика рассказов для детей И. Топоева // 55 лет Хакасскому научно-исследовательскому институту языка, литературы и истории: материалы региональной научной конференции (Абакан, 18–20 ноября 1999 г.) / ответственный редактор В. Н. Тугужекова. Абакан, 2001. С. 37–39. Текст: непосредственный.

11. Щерба Л. В. Языковая система и речевая деятельность. Москва: Академия, 2007. 326 с. Текст: непосредственный.

Статья поступила в редакцию 11.03.2024; одобрена после рецензирования 25.04.2024; принята к публикации 28.05.2024.

AUTHOR'S POSITION IN CHILDREN'S STORIES BY I. P. TOPOEV

Elena P. Sagatayeva

Research Assistant,

Dorzhi Banzarov Buryat State University

6 Ranzhurova St., Ulan-Ude 670000, Russia

sagataeva1997@gmail.com

Abstract. The article is devoted to identifying the author's position in stories for children by the Khakass children's writer I. P. Topoev. We have revealed the features of the children's stories structure. It has been determined the author's attitude towards dialogue with the addressee — the young reader — through the convergence of the positions of the author and the character in certain situations. The author's position can be traced in the inclusion of subjective narration, the rhythmic and intonation features of the child's speech and vocabulary inherent to him. It is established the important role of the characters' dialogue in the structure of stories for children. We emphasize the artistic skills of the writer, who has experience in creating dramatic works, in constructing dialogues. I. Topoev's author's position is determined by a deep understanding of the child psychology, by the combination of a child's view of the world with the position of an adult and wise mentor. Thus, the author's special humorous attitude towards the world of childhood arises. The focus on edification and education is realized in the compositional structure of stories for children, in creating a situation of moral choice.

Keywords: author's position, children's literature, dialogical principle, subjective narration, psychology, edifying attitude.

For citation

Sagatayeva E. P. Author's Position in Children's Stories by I. P. Topoev. *Bulletin of Buryat State University. Philology.* 2024; 2: 65–72 (In Russ.).

The article was submitted 11.03.2024; approved after reviewing 25.04.2024; accepted for publication 28.05.2024.